

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА М. БУБЕРА «ГОГ И МАГОГ»

Мартин Бубер (1878–1965) – один из крупнейших философов XX в., чьи идеи весьма актуальны и для нашего времени. Весь мир знает его как выдающегося мыслителя и проповедника, поэта и порозайка, внесшего вклад не только в еврейскую, но и в мировую культуру. Благодаря Буберу мы начали понимать, какую невероятную духовную энергию несет в себе народ Израиля, в том числе и хасиды. Мартин Бубер внес неоценимый вклад в исследование хасидизма, сумел запечатлеть наследие хасидских общин – хасидские истории, часть того, на чем основывается хасидская мудрость. Кажется, открытие Бубером хасидизма произошло словно в один миг. Нет, он вовсе не открыл новый хасидизм, просто хасидизм открылся для него. Кажется, что Бубер сам был одним из первых хасидских учителей (многие согласились бы с этим утверждением). Как и в хасидском наследии, в творчестве Бубера религиозно-философские идеи часто растворены в художественном дискурсе. Мышление философско-понятийное и образное теснейшим образом переплетаются у него, прежде всего, в его литературных произведениях, которые еще ни разу не становились объектом самостоятельного исследования.

Среди таких произведений Бубера – роман «Гог и Магог», который вышел в свет в 1941 г., в разгар Второй мировой войны. Его ключевой темой являются размышления об Избавлении, которые осуществляются в диалоге между Я и Ты. Этот философский роман – первое беллетристическое произведение философа. Писатель и мыслитель опирался, прежде всего, на Библию (нашествие Гога из страны Магог в конце времен, как сгущение зла, предшествующее мессианскому Избавлению, в Книге Пророка Иезекииля; см. *Иез 38-39*), но историческим фоном романа послужила жизнь хасидского местечка в Польше времен наполеоновских войн.

Следует подчеркнуть, что одной из самых значимых тем для еврейских мыслителей XX в. является именно тема личного и эсхатологического Избавления. К ней обращались Франц Розенцвейг, Авраам Ицхак Кук, ребе Менахем Мендель Шнеерсон, Эмманюэль Левинас. Бубер не является здесь исключением. Согласно Розенцвейгу, Избавление – это процесс, в котором мир и человек объединяются в гармонии с Богом и «прилепляются» к вечности. В основе этого

объединения лежит любовь Бога к человеку, а также ответная любовь, которая избавляет человека от одиночества. Именно эта ответная любовь и есть первый шаг к Избавлению. Любовь распространяется также и на других людей. Это единство означает победу над смертью, а значит и вечное Избавление. Что касается Бубера, то он понимает под Избавлением уничтожение зла посредством освящения повседневной жизни, в которой мы также общаемся с Богом. Здесь нельзя не сказать о концепции диалогизма, которая раскрывается в романе «Гог и Магог». Отправным пунктом концепции Бубера является диалогический принцип. «Основное слово Я–Ты утверждает мир отношений», – пишет М. Бубер [2, с. 7]. Центральная идея Бубера есть диалог – диалог между миром и человеком, человеком и Богом. Философ утверждает, что диалог можно вести не только с помощью речи. Он может осуществляться даже в молчании, что весьма примечательно. Бубер полагает: «Настоящий диалог (т. е. не обусловленный заранее во всех своих частях, но вполне спонтанный, где каждый обращается непосредственно к своему партнеру и вызывает его на непредсказуемый ответ), настоящий урок (а не автоматически повторяемый и не тот, результаты которого наперед известны преподавателю, но сулящий обоюдные сюрпризы), настоящее, а не обратившееся в привычку объятие, настоящий, а не игрушечный поединок – вот примеры истинного “между”, суть которого реализуется не в том или другом участнике и не в том реальном мире, в котором те пребывают наряду с вещами, но в самом буквальном смысле – между ними обоими, словно в некоем им доступном измерении» [2, с. 154].

Идеи диалогизма звучат и в романе «Гог и Магог». В нем повествуется о духовной полемике двух учителей хасидизма, вернее – ученика и его учителя, живших на территории нынешней Польши в эпоху наполеоновских войн. Но, все же, они едины, души их «прилеплены» к Богу и друг к другу; они тонко и почти без слов чувствуют друг друга. Такой связи можно только позавидовать. Клевета на Еврея, непонимание его другими учениками – все это видит Ребе и очень глубоко переживает. Он осознает, что Еврей особенный человек, поэтому, практически никогда не обращая внимание на сплетни, сочувствует и всячески пытается помочь своему ученику. Они по-разному рассматривают проблему Избавления и сопротивления злу, и оба расплачиваются жизнью за свои убеждения.

В Торе и книгах пророков Избавление – *Геулла* – понимается как в частном, так и в общем контексте, как восстановление правильного миропорядка, освобождение от гнета и притеснений, установление в конечном счете Царства Бога на земле. Исход из Египта,

освобождение из рабства раба по истечении семи лет, прощение долгов в юбилейные годы – все это проявление Избавления. В некоторых текстах Библии под Избавлением понимается раскаяние. Утверждается, что инициатором конечного Избавления будет Сам Бог, Который будет даровать его в силу Своего безграничного милосердия и справедливости.

Согласно Талмуду, Избавление зависит от таких действий, как раскаяние и благие поступки. Толкователи талмудических текстов возражали против попыток определения точной даты конечного Избавления на основании мистических или космологических прогнозов. Согласно талмудической литературе, роль Мессии как Избавителя весьма велика, ведь Мессия является орудием в руках Бога. В Аггаде представлены и иные точки зрения на Избавление, однако общепринятым для еврейской традиции является мнение о том, что Избавление народа Израиля принесет Избавление и всему миру.

В средневековой еврейской философии Избавление трактуется как конечная точка человеческого бытия. Соответственно, грех лишает человека Избавления и обрекает на смерть. С точки зрения Маймонида, крупнейшего представителя средневековой еврейской рационалистической философии, все созданное Богом из материи, включая человека, имеет конечную природу. Мыслитель понимает Избавление как преодоление человеком своей материальной природы. Это достигается «приобретенным разумом», обретаемым в результате духовного и интеллектуального совершенствования, изучения различных наук и прежде всего философии. «Приобретенный разум» позволяет человеку контролировать телесное начало, не зависит от тела и не подвержен его бренности.

В Каббале Избавление предстает в мистической интерпретации. Все изменения, происходящие в мире после его сотворения, – следствие нарушения единства *Сфирот* – каналов эманации Бога миру. Например, пока существует *галут* (пребывание народа Израиля в изгнании), существуют отдельно добро и зло, существуют святость и скверность. Нарушение изначального единства было неизбежно, но постепенно идет процесс восстановления первоначальной гармонии и совершенства, «исправление мира» (*тиккун га-олам*), и эта миссия возложена прежде всего на народ Израиля.

М. Бубер трактует Избавление как победу над злом. Философ понимает под Избавлением искоренение зла, которое человек совершает в истории. Чтобы достичь этой цели, нужно освящать свою повседневную жизнь, а средством достижения этой цели является

диалог человека с Богом. Избавление, таким образом, зависит от разделения в земном мире добра и зла и преодоления последнего.

Как уже отмечалось, в еврейской мистике Избавление видится как завершение процесса *тиккун га-олам* – «исправления», или гармонизации, мира. Припомним, что лейтмотивом романа Бубера является «собираание искр Света». Автор заново ищет ответ на вопрос, который ставится еще в Талмуде: допустимо ли приближать конец несправедливой истории, воздействуя на высшие силы?

В учении хасидизма размежевываются мессианское Избавление народа Израиля, которое полностью зависит от воли Бога, и мистическое избавление души, в котором сама личность принимает деятельное участие. В хасидизме каждый человек как бы становится “мессией” своего собственного мира, а мессианизм, в свою очередь, перестает быть столь явно активной исторической силой. Учение об Избавлении в хасидизме перемещает мессианские порывы из сферы эсхатологии в область личного служения и личного Избавления. Ученик Бешта рабби Йаков Йосеф из Полонного (первый, кто письменно изложил учение хасидизма) отделил личное избавление от Избавления вселенского, окончательного.

Так как Избавление есть Спасение от зла, то рассмотрим это понятие более подробно. Согласно мистическому учению Каббалы и хасидизма, *швира* – это разрушение, которое лежит в основе создания, источник деструктивных сил в мироздании. Подобное зло не имеет Божественных корней, оно является лишь искаженным восприятием Божественного блага в мире. Поэтому у зла нет собственной сущности, его бытие определяется только позицией наблюдателя. М. Бубер пишет: «Но что же это за Зло, созданное Богом? Это сила делать то, чего Он не хочет. Если бы Он не создал ее никто не смог бы Ему противодействовать. А Он хочет, чтобы ему противостояли. Он установил свободу. Он создал силу, которая может действовать, как если бы Всемогущего не было. Тварь не обольщается, когда думает, что может грешить, она имеет такую возможность» [3, с. 58].

Как было уже сказано, историческим фоном романа послужило время прихода к власти Наполеона Бонапарта. Его подход к еврейской проблеме проявился еще в 1799 г., когда Наполеон во главе французских войск начал завоевание Эрец-Исраэль. Попытка хасидов вмешаться в непростую ситуацию во времена Наполеона достойна восхищения. Один из главных героев романа рабби Йааков Йицхак считал поход Наполеона I на Россию, вызвавший мессианские чаяния в Польше, началом войны Гога и Магога и хотел, чтобы цадики (лидеры хасидских общин) объединили свои усилия для прихода Мессии.

У рабби Йаакова Йицхака были единомышленники, которые, как и он, искренне верили в это пророчество и в его скорейшее осуществление, а его главным оппонентом был его же ученик по прозвищу Святой Еврей. Измученные погромами, а также общечеловеческими катастрофами, некоторые хасиды замыслили привести в мир идеального царя – Мессию. Нет, они не помазали на царство того, кто был на то время праведнее и выше всех остальных. Они истомились настолько, что решили приблизить Конец дней, перейти из истории в метаисторию.

Бубер не задавался целью с помощью романа проиллюстрировать свое учение. Конечно, он добавлял, расширял духовный мир и философское мышление своих персонажей, но основываясь на исторических реалиях. Мыслителя упрекали в том, что он, сознательно или нет, изменил фигуру Святого Еврея, как бы «христианизировав» его. Однако известно, что Бубер не добавил ни одной черты к образу героя, которой не было бы в рассказах и легендах о нем, сохранивших его высказывания, возможно отчасти и близкие духу Евангелия. Если в этой книге Еврей чем-то напоминает Христа, то это не потому, что Буберу так хотелось, а потому, что так и было в реальности, ведь и Иисус – плоть от плоти и дух от духа еврейского народа и его учение основано на Торе и пророках.

Избавление осознается Бубером в контексте отношений «Я – Ты» и «Я – Оно», которые обозначают разные пути взаимодействия человека с миром. Мыслитель исходит из принципиальной двойственности человеческого бытия и мира для человека. В первой фразе своей работы «Я и Ты» Бубер обращает внимание на то, что человеческое бытие всегда дано в некоей паре. Остановимся на диалоге «Я – Оно». По Буберу, когда мы говорим о физическом мире, мы подчиняемся установке «Я – Оно» и употребляем отвечающей этой установке язык. Подход «Я – Оно» может быть использован как по отношению к вещам, так и к людям и даже к Богу. Но может осуществляться и другой диалог. Мы можем обращаться к вещам, людям, Богу как к Ты, имея в виду живую личность. Здесь уже осуществляется диалог между двумя равными личностями. Мир Ты весьма отличен от мира Оно. Как каждая субстанция становится объектом, предметом, вещью в отношении «Я – Оно», так же, считал Бубер, она может стать партнером, собеседником, другом в отношении «Я – Ты». Сущность отношения «Я – Ты» – это любовь, направленность чьей-либо жизни и воли к собеседнику. «Всякое подлинное отношение к существу или к сущности в мире исключительно», – поясняет М. Бубер [2, с. 47]. В отношении Я и Ты нет никакого мистического перевоплощения, каждый остается индивидуальностью, личностью. Бубер также полагал, что, обращаясь

к Ты, мы обращаемся к Вечному Ты, к Богу. «Каждое единичное Ты – прозрение Вечного Ты. Через каждое единичное Ты основное слово обращается к Ты Вечному. Из этой посреднической роли Ты всех существ проистекает для них полнота (и неполнота) отношений. Врожденное Ты воплощается в каждом отношении и не свершается полностью в одном», – пишет М. Бубер [2, с. 45]. Любое отношение «Я – Ты», по Буберу, возможно лишь потому, что существует Вечное Ты. Бог – это именно «Вечное Ты» в отличие от временных встреч Я – Ты в мире. Бог – это Высший Собеседник в диалоге. Вечное Ты может обнаружить Себя даже в самых простых и обыденных вещах. Вечным Ты Бубер именует Того, Кто, даруя Откровение и Спасение, вступает в непосредственное общение с людьми и тем самым делает для них возможным общение с Ним. Именно в этом общении, в диалоге, выявляется жизненность и Самого Бога. Отношение «Я – Ты» – это пример диалога между Ребе и Святым Евреем. Соответственно, их общение с Богом – это диалог «Я – Вечное Ты».

Еще одной из значимых проблем в романе является проблема эсхатологического Избавления. Авторы апокалиптических сочинений пророчествовали о войнах, которые будут предшествовать приходу Мессии. Например, одним из таких событий будет война Гога, пришедшего из страны Магог. Гог будет воплощать силы зла в мире. В первую очередь, мудрецы понимали эти войны как духовную борьбу добра и зла. Пророчество Иезекииля о Гоге было воспринято как апокалипсис, а возвеличение Наполеона и бедствия, связанные с его завоевательными походами, заставили отождествлять французского императора с Гогом. Это отождествление не было общепринятым среди евреев. Бубер на основании изученных им хасидских текстов пишет о величайших мудрецах, которые приняли начало наполеоновских завоеваний за приближение Конца истории.

«Гог из страны Магог», Наполеон I, действительно играл важную роль в чаяниях евреев по поводу Конца света. Многие хасидские цадики не сомневались, что Наполеон есть Гог из страны Магог. Споры заключались лишь в том, приблизит или отдалит он приход истинного Мессии. Сохранилось множество преданий о магических действиях хасидских учителей, которые пытались таким образом направить императора по нужному пути. В романе это такие фигуры, как Старый Ребе, рабби Израиль из Ружина и многие другие.

Бубер рисует яркий образ цадика из Люблина, решившего магией помочь Наполеону в его устремлениях, чтобы ускорить приближение Избавления Израиля и создание Царства Божия на земле. Ребе был не один, у него имелись единомышленники – мудрецы и лидеры

хасидских общин в других городах. Однако у него нашлись и противники, и, как это нередко случается, им стал человек, считавший Ребе своим учителем, его тезка Йааков Йицхак из Пшисхи. Бубер говорит словами Йаакова Йицхака: «Ребе, – сказал, он сдавленным голосом, – что означает этот Гог? Он может существовать во внешнем мире только потому, что он живет в нас, внутри, – он показал себе на грудь. – Тьма, которая породила его, питалась мраком наших коварных и слабых сердец. Наше предательство Бога возвысило Гога. Ни в душе, ни в людях нет больше силы света» [2, с. 67].

Итак, в романе очевидно противостояние главных героев, которое Бубер видит в реализации противоположных подходов к Избавлению. Конфликт между Ребе и Святым Евреем можно представить как конфликт между сторонником революции и сторонником эволюции. И все же нельзя сказать, что они не ладили с друг другом. Нет, они отлично и даже без слов понимали друг друга. «Еврей был единственным по сути настоящим учеником Ребе, хоть и провел в Люблине не очень долгое время. Среди нас не было никого, кто бы так понимал Ребе, как он. И наконец, если он и критиковал какое-нибудь мнение Ребе, а он делал это очень редко, то только в интересах самого Ребе. Даже если казалось, что Еврей противостоит Ребе, то на самом глубоком уровне он был с ним заодно» [3, с. 202].

Ребе был не первым хасидским лидером, стремившимся приблизить приход Мессии. Уникальность его в том, что в эпоху злодейства он ради светлого будущего решил объединиться со злом. Из заметок ребе Бенъямина из Люблина мы узнаем: «Люблинский Ребе велик. Несомненно, многое в его характере и поведении кажется непостижимым. Иногда кто-то пытается восстать против него, потому что полагается на свое понимание вещей. Но в конце концов повинется, пусть и не меняя своей точки зрения, потому что нельзя не повиноваться огромной силе, которой господь одарил это существо из плоти и крови» [2, с. 214]. Однако его ученик Еврей не принимает сделанного учителем выбора. Он убежден, что только соединение с добром и искренняя любовь могут приблизить настоящее Избавление. Сдержанная внутренняя сила Еврея, его искреннее отношение к людям очаровывают читателя с первых же страниц романа. «Нельзя слишком сердиться на людей, – сказал Еврей, – за то, что они создают себе прекрасный и добрый образ и помещают на место Бога, ведь так трудно жить в Его страшном присутствии. Поэтому, если мы желаем привести людей к Богу, мы не должны просто разрушать их кумиры. Есть смысл даже в том, чтобы наделить Творца каким-то качеством, в каждой выявленной Его в ущерб целостности черте. С нежностью

и осторожностью мы должны помочь человеку осознать то Божественное качество, которое для него притягательно. Наша миссия не в том, чтобы увлечь людей туда, где обитает чистота Святости, – нет, даже в лишенном святости мы должны найти то, что приведет к Искуплению и целостности» [3, с. 125]. В этом отрывке отразилось не только мировоззрение Еврея, но и некоторые идеи Бубера, которые были сформулированы в его философской книге «Я и Ты». Показательно: книга, вышедшая в 1923 г., создавалась одновременно с формированием замысла романа «Гог и Магог» и, конечно же, параллельно с углубленным изучением Бубером мира хасидизма.

Таким образом, в философском романе «Гог и Магог» М. Бубер пытается осмыслить пути человеческой цивилизации и особую миссию еврейского народа, разные подходы к Избавлению, Исправлению мира, пытается через прошлое увидеть проблемы настоящего, проявившееся в нем страшное зло – фашизм и Вторую мировую войну.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: Синодальный перевод. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2013. – 1376 с.
2. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
3. Бубер, М. Гог и Магог / М. Бубер; пер. с нем. Е. Шварц. – Иерусалим: Гешарим; СПб.: Инапресс, 2002. – 328 с.